

УДК 316.624

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ТРУДОВЫХ МИГРАНТОВ С ПОЛИЦИЕЙ: СРАВНИТЕЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ В АНГЛИИ, РОССИИ И УКРАИНЕ

Сердюк Алексей Александрович – кандидат социологических наук, доцент, начальник кафедры социологии и социальной работы Харьковского национального университета внутренних дел

Марковская Анна Александровна – доктор философии (PhD), преподаватель криминологии в Англия Раскин Университете (Кембридж, Великобритания)

В статье приводятся данные международного сравнительного исследования взаимодействия трудовых мигрантов с полицией в Англии, России и Украине. Рассматривается проблема влияния культурных стереотипов родной страны мигрантов на взаимодействие с полицией в стране назначения миграции. Анализируются проблемы виктимизации мигрантов, их криминальной активности, восприятия полиции и доверия к ней.

Ключевые слова: мигранты, преступность, виктимизация, восприятие полиции, доверие к полиции, культурные стереотипы взаимодействия с полицией.

У статті наводяться дані міжнародного порівняльного дослідження взаємодії трудових мігрантів з поліцією в Англії, Росії та Україні. Розглядається проблема впливу культурних стереотипів рідної країни мігрантів на взаємодію з поліцією у країні призначення міграції. Аналізуються проблеми віктимізації мігрантів, їх кримінальної активності, сприйняття поліції та довіри до неї.

Ключові слова: мігранти, злочинність, віктимізація, сприйняття поліції, довіра до поліції, культурні стереотипи взаємодії з поліцією.

In article the data of international comparative study of migrant workers interaction with police in England, Russia and Ukraine are presented. The problem of the influence of interaction with police cultural stereotypes in a native land of migrants on interaction with police in the destination country of migration is considered. Problems of migrants victimization, their criminal activity, perception of police and confidence to police are analyzed.

Keywords: migrant workers, crime, victimization, perception of police, confidence to police, cultural stereotypes interaction with police.

За прошлое десятилетие существенно обострилось интенсивное политическое обсуждение проблемы трудовых мигрантов, их роли в экономике стран назначения миграции и структуре преступности этих стран. Главным мотивом подобных дискуссий являются опасения мигрантов и стереотип «мигранта-правонарушителя». В рамках социологии преступности и криминологии трудовые мигранты представляют неоднозначную группу для анализа: с одной стороны, они являются группой, совершающей правонарушения и вносящей свой вклад в структуру преступности стран назначения миграции, с другой стороны, они являются группой, подвергающейся различным преступным посягательствам. Таковую ситуацию усугубляет их особый (можно сказать, неполноценный) правовой статус, негативное отношение к ним со стороны местных жителей и полиции, языковые барьеры, коррумпированность чиновников и целый ряд других сопутствующих проблем.

Проблема мигрантов в социологии разрабатывается главным образом в исследованиях толерантности [1-5], а вопросы взаимодействия правоохранительных органов и мигрантов в социологических исследованиях пока вообще не нашли отражения.

В проблеме взаимодействия трудовых мигрантов и полиции существенную роль играют культурные стереотипы, привносимые мигрантами с родины в новое для них культурное пространство.

Целью данной статьи является выяснение влияния культурных стереотипов взаимодействия мигрантов с полицией на виктимное и криминогенное поведение трудовых мигрантов в разных странах. Для реализации нашей цели мы провели сравнительное исследование в Англии, России и Украине (при финансовой поддержке Британской Академии). Нами было проведено 138 углубленных

полуструктурированных интервью с трудовыми мигрантами. Опрос происходил в трех группах респондентов: 1) мигранты из Украины, работающие в России (Москва) – 52 респондента, 2) мигранты из Литвы, работающие в Англии (Кингс Линн) – 64 респондента, 3) мигранты из Нигерии, работающие в Украине (Харьков) – 22 респондента.

Гайд интервью включал в себя несколько блоков: общие сведения о респонденте и его деятельности в стране назначения; восприятие правоохранительных органов и отношение к ним в стране респондента и стране назначения; опыт респондента как жертвы преступлений; опыт участия в совершении преступлений; соблюдение правил дорожного движения; употребление алкоголя и наркотиков; ксенофобия и расизм; коррупция; особенности экономического поведения респондента. В этой статье мы остановимся на наиболее интересных результатах, касающихся взаимодействия мигрантов и полиции.

Все три группы респондентов существенно отличались друг от друга: мигранты из Украины, работающие в России (Москва), приехали на короткий срок с основной целью – заработать и увезти заработок домой, в среднем они находились в стране назначения 17 месяцев; мигранты из Литвы, работающие в Англии (Кингс Линн), приехали на более длительный срок или остались в стране жить, хотя вначале не планировали переезжать, в среднем они находились в стране назначения 59 месяцев; мигранты из Нигерии, работающие в Украине (Харьков), остались в стране после учебы или после неудавшейся попытки транзита в Европу, в среднем они находились в стране назначения 146 месяцев.

Центральным предметом исследования являлась преступность в среде мигрантов. Субъективная оценка распространенности проблемы преступности среди мигрантов представлена на рисунке 1. Оказалось, что респонденты в России склоняются к отрицанию существования проблемы преступности среди мигрантов, а вот респонденты в Англии и скорее признают существование этой проблемы, чем нет.

Рисунок 1. Субъективная оценка распространенности преступности среди трудовых мигрантов в стране назначения миграции (Англии, Украине и России) (в индексах от -1 до +1, -1 означает полное отрицание существования проблемы преступности среди мигрантов, +1 означает полное согласие с существованием такой проблемы).

Мы попросили оценить мигрантов, насколько организация трудовой деятельности мигрантов провоцирует самих мигрантов на совершение преступлений и на совершение преступлений против них. Индексная оценка виктимности и криминогенности представлена на рисунке 2. Обращает на себя внимание различие между показателями респондентов Англии (респонденты не считают, что организация их деятельности провоцирует на совершение противоправных действий ни их самих, ни против них). А вот в России этот индекс оказался положительным, т.е. респонденты видят, пускай и не столь отчетливо, что организация их деятельности провоцирует и их самих на правонарушения, и совершение правонарушений против них. Проявляется это главным образом в затруднениях с легализацией трудовой деятельности. Словами респондентов – «меня ставят в положение нелегала». Как следствие респонденты отмечают многочисленные проявления коррупции и вымогательства со стороны полиции и чиновников.

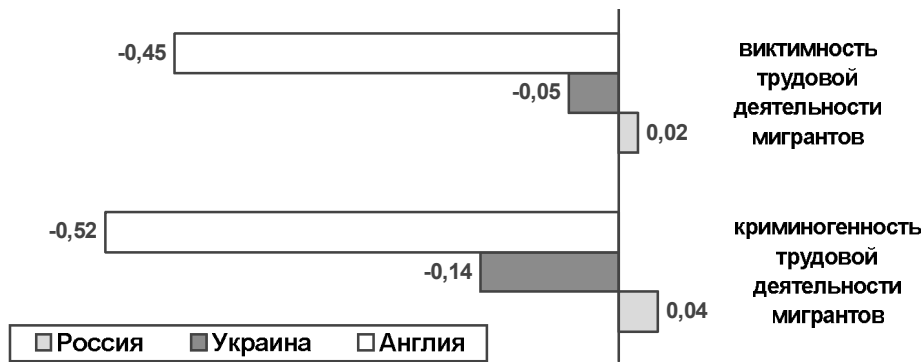

Рисунок 2. Самооценка виктимности и криминогенности трудовой деятельности мигрантов в стране назначения миграции (Англии, Украине и России) (в индексах от -1 до +1, -1 означает полное отрицание, +1 означает полное согласие).

Если проанализировать, какие именно правонарушения преимущественно совершаются самими мигрантами, то, основываясь на данных, полученных от респондентов, можно сделать следующий вывод:

- в России (среди украинцев) – это преимущественно «работа втемную», без уплаты налогов и оформления, а также «проживание без регистрации». Причем мотивируют мигранты это внешними организационными трудностями легализации, невозможностью оформить легально свою трудовую деятельность из-за «отсутствия организации». Говоря словами респондентов, «меня все время ставят в положение преступника», «я вынужденный нелегал».

- в Англии (среди литовцев) – хулиганство и уклонение от уплаты налогов.

- в Украине (среди нигерийцев) – уклонение от уплаты налогов и контрабанда наркотиков (правда, респонденты отмечают, что контрабандой наркотиков они прекратили заниматься уже около 5 лет назад).

Если же проанализировать, какие именно преступления преимущественно совершаются против мигрантов, то респонденты чаще всего указывали:

- в России (среди украинцев) – вымогательство, преимущественно со стороны полиции, и обман при оплате за работу.

- в Англии (среди литовцев) – воровство и хулиганство.

- в Украине (среди нигерийцев) – вымогательство, воровство и хулиганство преимущественно на расовой почве. Как указывают респонденты, «основная проблема - это пьяные, которые лезут драться», «обзывают обезьяной».

Таким образом, в структуре преступности как против мигрантов, так и совершаемых ими самими, в различных странах назначения имеются существенные различия. Как же это отражается на взаимодействии мигрантов с полицией? Распределение индексов субъективной оценки респондентами различных аспектов работы полиции в стране назначения миграции приведено на рисунке 3.

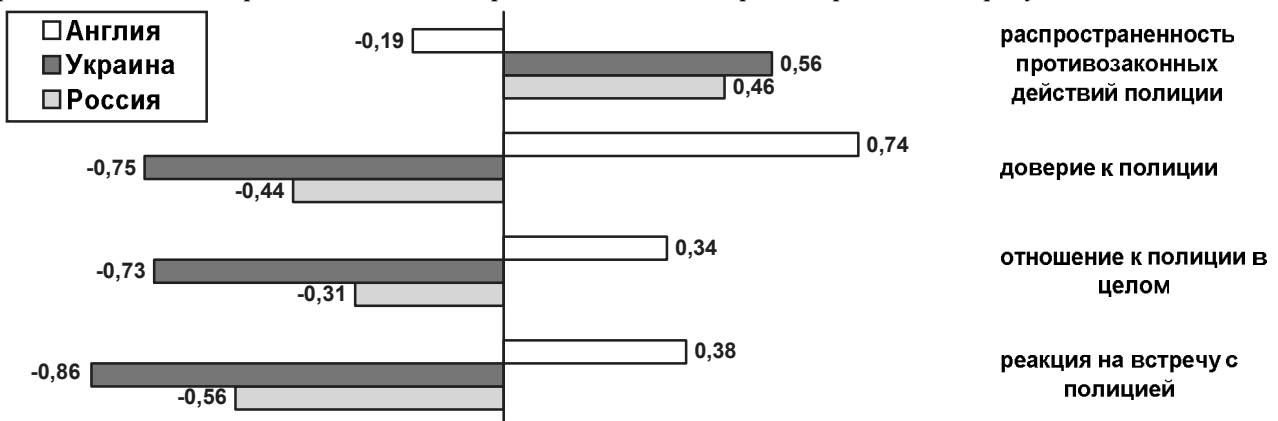

Рисунок 3. Субъективная оценка респондентами различных аспектов работы полиции в стране назначения миграции (Англии, Украине и России) (в индексах от -1 до +1, -1 означает полное отсутствие признака или полностью отрицательную оценку, +1 означает максимальную выраженность признака или полностью положительную оценку).

Следует отметить, что взаимодействие мигрантов с полицией в Англии существенно отличается от взаимодействия мигрантов с полицией в Украине и России. Эти отличия можно назвать прямо противоположными.

Так, оценивая распространенность противозаконных действий полиции, респонденты в Украине и России склоняются к тому, что они «скорее распространены, чем нет», а вот в Англии наоборот – респонденты считают что противозаконные действия полиции там скорее не распространены, хотя и приводят отдельные примеры предвзятого отношения.

Цитата из интервью: *«У меня не было никаких иллюзий в отношении британской полиции, поэтому не было что и ломать. Они много говорят и мало делают, показывают, что делают много, а на самом деле – нет. Вот пример. Меня остановили полицейские в «Нью Маркет» и стали проверять документы. После 15 минут проверки они попросили меня, чтобы я переставил свою машину впереди их машины, что я и сделал. Потом они оштрафовали меня на 70 фунтов за то, что этот маневр я сделал без светового сигнала».*

Однако такие одиночные факты никоим образом не влияют на доверие к полиции и отношение к полиции в целом: доверие и положительное отношение к полиции в целом - в Англии, недоверие и негативное отношение к полиции - в России и Украине.

Чтобы дополнить общую картину отношения к полиции в стране назначения миграции мы задали респондентам вопрос «Какие типичные черты присущи, по Вашему мнению, сотрудникам полиции в этой стране?».

В Англии – полицейские, по мнению респондентов, *«вежливые, дружелюбные, подтянутые, быстрые, компетентные, хорошо подготовленные, профессиональные, честные, порядочные, приятные, тактичные, неагрессивные, услужливые, позитивные, вызывают доверие, их глаза не лгут, пользуются уважением, имеют очень хорошую репутацию, работают соблюдая закон»*, причем *«уважение и честность»* как характеристики британского полицейского, отмечались практически всеми респондентами.

Подчеркивается малая социальная дистанция полиции с народом: *«На людей похожие; выглядят как порядочные люди; здесь полицейский как нормальный человек, друг; они стараются не выделяться среди остальных людей; я их здесь не чувствую; нормальные мужжики; делают и знают, что делают».* Особо отмечают, что *«в Англии учат детей в школе, что полиция – не враг».*

Взаимодействие полиции с населением респонденты характеризуют так: *«Они всегда рады и готовы помочь; приходят на помощь, где это надо; помогают людям во всем; в большинстве случаев хотят помочь и не навредит; больше работают с людьми»*, *«не заставляют себя ждать долго, когда они нужны, всегда вовремя».*

Целенаправленная работа британской полиции над своим имиджем хорошо отражается в восприятии респондентов: *«Спокойные, без оружия, выглядят дружелюбно и не боятся улыбнуться»*, *«улыбаются все время, не похожи на агрессивных, вообще не похожи на полицейских, честные и вежливые, я не знаю - но так выглядят... они поменяли мое мнение про полицию».*

Как негативную характеристику респонденты называют *«излишнюю бюрократичность»* но вместе с тем отмечают, что британские полицейские - *«строгие сволочи, но справедливые».* Лишь один респондент охарактеризовал британских полицейских негативно: *«Они ненавидят иностранцев, много говорят и мало делают, показывают, что много делают, а на самом деле - нет».*

В России полицию отличают *«грубость, жадность, пренебрежение к закону, коррумпированность и взяточничество, неуважение к человеку»*, *«заботятся больше о своей выгоде, чем о порядке»*, *«трусливые, жадные и беспринципные»*, *«часто используют свое служебное положение, хотя люди все достаточно разные».* Респонденты отмечают, что российская полиция мало чем отличается от украинской: *«полицейские такие же, как и на Украине, только агрессивнее и больше придирок, чем у нас».*

В Украине, как и в России, в глазах нигерийских респондентов милицию отличает *«коррупция и взяточничество»*, а также *«отсутствие справедливости, нечеловеческое отношение, авторитарность».* Респонденты отмечают: *«Полиция здесь - наша ежедневная проблема, даже если ничего не сделал – плати деньги».* Кроме того, они справедливо обращают внимание что *«образованные милиционеры – хорошие, без образования – плохие»* и что *«если захотят – могут работать хорошо».* У нигерийских мигрантов сложилось впечатление, что украинские милиционеры *«всегда занимают сторону белых граждан»* и *«всегда хотят, чтобы ты себя тихо вел при общении на улице»*, но сходятся они в одном – милиция в Украине *«хуже, чем в Нигере».*

В связи с вышеизложенным возникает вопрос: являются ли столь резко и наглядно различающиеся стереотипы взаимодействия мигрантов с полицией результатом привнесения ими с родины культурных стереотипов? При ответе на этот вопрос следует обратить внимание на распределение индексов субъективной оценки различных аспектов работы полиции в родной стране респондентов (рисунок 4).

Мы видим совершенно другую картину оценки работы полиции в родной стране респондентов. Здесь нет противоположных оценок, все оценки имеют общий знак - отрицательный. Оценивая распространенность противозаконных действий полиции, респонденты из Украины и России указывают, что противозаконные действия полиции на их родине скорее распространены, а в Литве – повсеместно распространены. Доверие к полиции в Литве также оказалось наименьшим, а реакция на встречу с полицией – наихудшей. Таким образом, литовские мигранты дают «полярные» оценки работе полиции у себя на родине и в стране назначения миграции (Англии).

Рисунок 4. Субъективная оценка респондентами различных аспектов работы полиции в родной стране респондента (в индексах от -1 до +1, -1 означает полное отсутствие признака или полностью отрицательную оценку, +1 означает максимальную выраженность признака или полностью положительную оценку).

Чтобы дополнить общую картину отношения респондентов к полиции приведем цитаты из их ответов на вопрос «Какие типичные черты присущи, по Вашему мнению, сотрудникам полиции на Вашей родине?».

В Литве полицейские «корруптированные, невежливые, грубые, дерзкие, непрофессиональные, агрессивные, жестокие, хамы, самонадеянные, беспределышники, нечестные, бездари, ничего не делают, не вызывают доверия, не заботятся о гражданах, имеют проблемы с коммуникацией, интеллект ниже среднего, любят алкоголь, чувствуют себя выше всего, переступают линию полномочий, пытаются задержанных», «любят деньги, есть деньги - будет разговор, в общем, обожрались уже», «ходячие боги, лучше с ними не сталкиваться, и это знают все».

Обращает на себя внимание ярко выраженная эмоциональность суждений о литовской полиции: «Мерзкий, наглый, жирный от взяток, слишком самоуверенный, думаю, кто-то таких бил в школе», «их ненавидят, называют «мент», потому что они просто нечеловечные, боишься, чтобы не обвинили в том, чего не делал», «про таких говорят – человек без сердца», «не могу сказать ни единого хорошего слова о полицейских в Литве, некомпетентные, корруптированные бездельники».

Также в суждениях литовских респондентов заметно прослеживается антагонизм населения и полиции: «Испытываю чувство страха и отвращения к полицейскому, они неуважительные и не заслуживают уважения сами», «невежливые, не хотят помогать, блатные – чувствуют, что им дана сила и используют ее на свое благо и против народа», «отсутствие вежливости, толерантности, помощи, работают неправильно, не для простых людей», «думаю, что они делают больше беспорядка, чем наводят порядок».

В Украине, по утверждениям мигрантов, милицию отличает «корруптированность, грубость, взяточничество, вымогательство, глупость, стяжательство, заносчивость, корыстолюбие, пренебрежение к людям», «соблюдение скорее своих интересов, чем охрана законности», «часто грубы, высокомерны, встречаются вымогатели», «больше заботятся о личных интересах, чем о выполнении своих обязанностей».

Однако в целом респонденты отмечают, что милиция – «люди как люди», «не думаю что есть типичные черты», «разные люди – разные черты». Более трети респондентов вообще затруднились дать какой-либо определенный ответ.

В Нигере, со слов респондентов, полицию также отличает «корруптированность, взяточничество, всегда есть возможность откупиться». Респонденты также отмечают, разницу между образованными и необразованными полицейскими: «Наверное, те, кто в офисах, умные, но на улицах – коррупция и дураки».

Наиболее интересной особенностью является то, что ответы украинцев и африканцев оказались менее эмоциональными, и в них практически отсутствует различие в оценке полиции на родине и в стране назначения миграции. А вот в ответах литовских мигрантов присутствует ярко выраженная полярность оценок полиции. Они приехали в Англию со стереотипом «*коррупцированного, грубого и непрофессионального*» полицейского, и в ходе столкновения с иной моделью осуществления правоохранительной деятельности и взаимодействия полиции с населением у них сменился стереотип полицейского на прямо противоположный. Мы считаем, что этим объясняется ярко выраженная полярность оценок полиции в Литве и Англии. Наряду с Украиной и Россией, Литва является «постсоветской» страной со сходной моделью осуществления правоохранительной деятельности. Именно «контраст» моделей осуществления правоохранительной деятельности в Англии и Литве, а также особое внимание к «полиции первого контакта» в Британии, и вызвал столь резкие негативные оценки литовских полицейских.

Наиболее показательным для целей исследования оказывается сравнение мигрантов, приехавших на короткий срок, «заработать и уехать» (в России), и мигрантов, остающихся в стране назначения на длительный срок (в Англии и Украине).

В краткосрочной перспективе в Россию мигранты приезжают со своими стереотипами коррупционного взаимодействия с полицией как в страну со сходной моделью осуществления правоохранительной деятельности, и ничего не ждут от нее, принимают «правила игры», вступая в коррупционное взаимодействие с полицией. В таком случае культурные стереотипы играют роль «механизма адаптации» к сходной модели взаимодействия с полицией.

В долгосрочной перспективе в Англию мигранты приезжают со своими стереотипами «коррупционного» взаимодействия с полицией, но со временем под влиянием качественно иной модели осуществления правоохранительной деятельности их отношение к полиции и стереотипы взаимодействия с ней меняются коренным образом. В этом случае культурные стереотипы, привнесенные из другой культуры, трансформируются под воздействием нового культурного контекста.

В долгосрочной перспективе в Украине механизм действия культурных стереотипов взаимодействия с полицией оказывается таким же, как и для «краткосрочной перспективы» в России: африканцы столкнулись на Украине со сходной моделью правоохранительной деятельности и воспользовались усвоенными на родине паттернами «коррупционного» взаимодействия с полицией, не меняя их.

Таким образом, культурные стереотипы взаимодействия мигрантов с полицией, привнесенные ими с родины, играют роль «механизма адаптации» до того момента, пока не вступят в конфликт с иной моделью осуществления правоохранительной деятельности. Под воздействием отличной от усвоенной на родине модели взаимодействия с полицией у мигрантов формируется новая система паттернов поведения, отвечающих новому культурному контексту. Стереотипы взаимодействия мигрантов с полицией изменяются коренным образом, однако это зависит не от времени, проведенного в новой культуре, а непосредственно от действий «полиции первого контакта» в стране назначения миграции. Этот вывод касается обычных граждан (трудоустроенных мигрантов), а не носителей криминальной субкультуры (преступников). Механизмы взаимодействия преступников с полицией остаются неизменными практически в любом обществе, и конкретный культурный контекст может менять лишь их форму, но не содержание.

Литература:

1. Солдатова Г.У., Шайгерова Л.А., Прокофьева Т.Ю., Кравцова О.А. Психодиагностика толерантности личности / Г.У.Солдатова, Л.А.Шайгерова, Т.Ю.Прокофьева, О.А.Кравцова. — М.: Смысл, 2008. — 176 с.
2. Мельничук И.В., Клищевская О.А. Методы диагностики толерантности / И.В.Мельничук, О.А. Клищевская // Наука і освіта. 2010, №1, С. 48–50.
3. В. Паніотто. Динаміка ксенофобії і антисемітизму в Україні (1994–2007) / В. Паніотто // Соціологія: теорія, методи, маркетинг. — 2008. - №1. - С. 197–214.
4. Дослідження потреб трудових мігрантів. // Центр «Соціальні Індикатори» — Київ, 2008. - [Електронний ресурс] - Режим доступу: <http://socialindicators.org.ua/business.html#2>
5. Визначення рівня ксенофобії в Україні // Центр «Соціальні Індикатори» — Київ, 2008. - [Електронний ресурс] - Режим доступу: <http://socialindicators.org.ua/business.html#4>